

А. П. Чулошников.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ

Казак-Киргизского народа

В СВЯЗИ С ОБЩИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ СУДЬБАМИ ДРУГИХ
ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН.

„Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой“.

Часть первая
ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ
И СРЕДНИЕ ВЕКА.

ЛЕКЦИИ, ЧИТАННЫЕ В ОРЕНБУРГ-
СКОМ ОТДЕЛЕНИИ МОСКОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В
1921 году.

КИРГИЗСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Оренбург ● ● 1924 г.

Предисловие.

Предлагаемые очерки по истории казак-киргизского народа в древнее время и средние века задуманы были первоначально в виде краткого популярного учебника для средней школы, но новизна материала, полная его разбросанность и отсутствие всякой, хотя бы слабой, его систематизации заставили автора уже очень скоро отказаться от этой мысли. Зато сразу же встала вплотную другая, не менее интересная задача: постараться в общем синтезирующем очерке подвести научный итог всей до сих пор проделанной работы по киргизскому прошлому и тем самым одновременно достигнуть двух целей: дать крайне необходимый в настоящее время для самообразования научно-популярный труд по истории одного из крупных тюркских народов и вместе с тем оттенить те промахи и пробелы, которые сделаны были предшествующей историографией и которые желательно было бы теперь исправить и дополнить.

Насколько удалось это автору пусть судит сам читатель, но нам кажется, что все же наши очерки будут не бесполезны для каждого, в особенности киргиза, который захотел бы ознакомиться с прошлым родного народа в одной цельной картине.

Смотря на эту работу, как на первый опыт в этом отношении, и вместе с тем, как на вступление к большому самостоятельному научному исследованию по истории киргиз в новое время, которым занят автор в настоящее время, мы надеемся, что он будет встречен достойной и благожелательной критикой специалистов, за все указания которых заранее и приносим здесь нашу благодарность.

А. Чулошников.

15 Июля 1921 года.
Г. Оренбург.

В В Е Д Е Н И Е.

Под именем „киргиз“ русские знают две самостоятельные, хотя и не совсем чуждые друг другу народности: собственно киргизскую и казакскую, обе принадлежащие к огромной западной отрасли тюркского племени. Общая численность той и другой может быть установлена только приблизительно, так как и киргизский и казакский народ постоянно растут, а за последние годы не имеется удовлетворительных статистических данных. Основываясь на цифрах 1911 г. и принимая во внимание прирост, мы можем определить численность их приблизительно в $8\frac{1}{2}$ миллионов.

Территория, занимаемая ими—огромна и равняется приблизительно $\frac{1}{4}$ всей Европы (как западной, так и восточной), распространяясь от берегов Волги до бассейна Тарима и от низовьев Аму-Дарьи до р. Иртыша. Большая ее часть включающая в себя области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую, Уральскую, значительную часть Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей Туркестана, северную часть Самаркандской области, Букеевскую степь, часть Самаркандской области и Аму-Дарьинского отдела, наконец, некоторые части Хивинского ханства и Илийской и Тарбагатайской провинций Китая, заселена казаками, занимающими в настоящее время среди прочих тюркских народностей второе место по численности и первое по пространству своих земель.

Собственно — киргизы, которых всего несколько сот тысяч, живут в горных областях Тянь-шаня и Памиров, располагаясь в русских пределах в бассейне Иссык-куля, верховьях р. Текеса, по долинам р. р. Чу и Таласа, в Фергане и далее в Китае, по южному склону Тянь-шаня верховьям р. Тарима, Памирскому плоскогорью и в окрестностях хребта Сары-куль. Наибольшая часть казакского народа сосредоточена на севере казакской территории, в Сыр-Дарьинской области, где обитает около $\frac{1}{4}$ всех казаков, несколько менее густо казакское население к востоку и северу от этого района и значительно разрежается к югу и к западу, но при всем этом в большинстве из перечисленных выше областей—казаки сохраняют весьма значительное преобладание над прочими национальностями, образуя основное ядро

населения. Так в 4-х областях прежнего степного края они составляют 78⁰/₀¹⁾; в Сыр-Дарьинской 60⁰/₀.

Казаки сами себя киргизами никогда не называют и недоумевают, когда слышат это прозвище в отношении их, или когда слышат слово „казак“, обращенное к русскому человеку; на вопрос, обращенный к ним, какой они народности, всегда отвечают: „мы казаки“, сопровождая, однако, это общее национальное имя еще названием того рода, к которому принадлежит тот или иной из них (найман, кирей, канглы и т. п.). Наименование же „киргиз“, приданное к их первоначальному названию „казаков“, было усвоено им, вероятно, русскими (сибиряками), в виду необходимости отличить их, напомилавших своими набегами прежних исчезнувших к этому времени киргизов от других, русских казаков, потомков завоевателей Сибири. Так и возникло наименование современного казакского народа—„киргиз-казаки“, впоследствии измененное в „киргиз-кайсаки“, а затем сокращенное—„киргизы“.

Равным образом и другая родственная ему народность—киргизская не знает названия „кара киргизов“ (частицы—„кара“), приданного им оседлыми туземцами долин, которые добавляют слово „кара“ (черный) в пренебрежительном смысле (ср. назв. дикие или дикокаменные киргизы у русских, „кара-киргиз“, т. - е. черные киргизы, употреблявшееся первоначально у казак-киргизов, но теперь ими забытое и усвоенное русскими „буруты“ у китайцев). Сами себя они называют только киргизами.

По своему происхождению и физическому типу эти родственные ветви не представляют антропологически чистой народности, особенно это касается главной их массы—„киргиз-кайсаков“, которые, как вполне самостоятельное сложившееся целое, возникли не ранее полов. XV в.

Современные казак-киргизы—это ничто иное, как конгломерат различных тюркских монгольских племен, имевших некогда самостоятельное существование, и только каких-нибудь 350—400 лет тому назад сплотившихся в нечто однородное и цельное под объединяющим воздействием окружающей их вольной беспредельной степи. На основании самых последних научных исследований выясняется, что, так родившийся и окрепший на просторе степей „казачий союз“, сложился главным образом из племен: канглы, кпшчак, чу (дулат) аргын, найман, кирей и алчин. Из них дулаты, найманы и кирей (кераиты) определяются, как несомненно

¹⁾ Из них в Уральской 72,5⁰/₀, Тургайской—76,5⁰/₀, Акмолинской—52⁰/₀ и Семипалатинской—85,5⁰/₀.

принадлежащие к монгольским народностям. Аргын, по одной интересной и очень правдоподобной догадке означавшее по своему наименованию „помесь“ является смесью различных родов разного происхождения. Алчин—помесь тюрков с западными динлинами (енисейскими остяками¹⁾). Чисто же тюркскими элементами, вошедшими в состав казак-киргизского народа, можно считать только канглов и кипчаков²⁾). Но, несмотря на такую внешнюю бедность чистых тюрков в „киргиз-кайсацком“ народе наблюдения над его нынешним тюркским языком, убеждают всех в том, что эти два тюркских племени составляют главную часть всего конгломерата и ими то была обеспечена тюркская народность современных казаков. Под воздействием канглов-же и кипчаков сложилась и другая родственная группа, „кара-киргизы“, образовавшиеся через слияние с ними древнего тюркского племени „киргиз“ известного еще до Р. Хр. („гянь-гунь“, „хагас“, „киргиз“, „кыргызы“, „кили-ки-зцы“³⁾). Этим и объясняется, что кара-киргизское наречие стоит гораздо ближе к казак-киргизскому языку, чем к языку енисейских тюрков. Все вышеизложенное ясно обнаруживает, как тесно сплелась история так называемого „киргизского народа“ с общей историей тюркского племени и как отсутствует всякое право и всякая возможность начинать историю киргиз и казаков не ранее конца средневековья и без всякой связи с другими тюркскими народностями. Этим уже заранее определяется объем нашего исторического труда, который прежде всего должен будет иметь дело с происхождением тюркского племени и его отдельных народностей, не оставляя, однако, в стороне вопросов, затрагивающих и другое большое племя—монгольское, тоже давшее своих представителей хотя и не столь сильных, как тюрки, в состав сложившейся в XV в. казак-киргизской народности. Вместе с тем принимая во внимание, что тюрки, давшие начало киргизскому и казакскому народу, не сразу появились в тех местах, где застают их окончательно наше средневековье, а долгое время эти пространства не знали их, а еще ранее и вообще всяких тюрков, нам кажется, естественным предпослать общей истории тюрков и „киргиз“ краткий обзор

¹⁾ Динлины—(енисейские остяки) были одним из племен древней северно-азиатской длинноголовой и светлоокрашенной расы, и обитали на юге нынешней Енисейской губ. Остатки этой динлинской, совершенно особой от арийской, расы, известны, по мнению Н. Арнстова, с VII в. под именем «негаге», народа, найденного русскими завоевателями Сибири на Енисее под именем аринов, ассанов и коттов.

²⁾ Существует близкое родство кипчаков с канглами: мусульмане-писатели XII в. и нач. XIII в. употребляют слово «канглы» и «кипчаки» как синонимы.

³⁾ В самый древний период, еще до Р. Хр., киргизы смешались с динлинами; отсюда резкое антропологическое отличие кара-киргиз от прочих тюрков.

исторических судеб этих областей до прихода сюда тюрков, т. к. нельзя отрицать всякое взаимодействие между новыми пришельцами и древнейшими здесь обитателями. Тем более, что это взаимодействие, особенно на юге проходит и дальше через всю историю тюркских народностей. Так определяя границы нашего труда, считаем нужным заметить, что мы отнюдь не намерены придавать ему чисто прагматический характер, устраняя всякого рода вопросы культурной истории, и если в этом нас могут упрекнуть, то во всяком случае не по нашей вине, т. к. мы заранее чувствуем и знаем все наши недочеты в этом отношении, объясняемые общими условиями работы, которую приходилось проводить в глухой провинции, вдали от культурных центров, когда с большим трудом и даже часто случайно добывались нужные книги и исторические материалы, когда кругом нельзя было найти ни одного лица, сведущего и опытного в данной отрасли, когда работа шла в полном одиночестве и оторванности от необходимых материалов, немалое число которых так и не удалось использовать. Потому в нашем труде могут и естественно встретятся и другие недочеты, как-то: общая неполнота и неравномерность изложения, м. б., даже и большие пробелы; но острая нужда в предлагаемых теперь обществу исторических очерках заставляет нас решиться выпустить в печать настоящее руководство в надежде, что в будущем в лучших условиях удастся исправить все промахи и ошибки. Но все же думается, что главная и основная наша задача подведения итогов всей прежней научной работы в области киргизской историографии достигнута до известной степени и теперь, и уже не нужно более никаких других доказательств для того, чтобы понять, как слишком еще мало сделано в этом отношении.

В заключение считаю своим долгом принести самую горячую благодарность всем тем лицам и учреждениям, со стороны которых я встречал всегда одно только содействие и участие и которые очень помогли мне в получении необходимых материалов и книг.

Оренбург.
1921 г. Январь.

Часть первая

Древнее время и средние века.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древнейшие судьбы Киргизского края до усиления в нем тюркских народов (до II в. до Р. Хр.).

Раскинувшись на обширном пространстве от нижнего течения реки Волги и Каспийского моря далеко на восток до бассейна р. Тарима, край, занимаемый ныне в той или иной степени „киргизским народом“, имеет не малое и не безынтересное прошлое. Седые века пронесли над его степями, тысячелетия оставили следы присутствия в них давно исчезнувших теперь, а когда-то больших и могучих народностей и племен. Целая картина всей истории человечества от самой его колыбели до наших дней нарождения новой эры его жизни развертывается перед нами на одном только этом пространстве. И о всем том говорят молчаливые свидетели—одинокие памятники степей, разбросанные в разных концах их курганы и прочие надгробные сооружения, а также полуразвалившиеся остатки всякого рода древних построек, да хранят кое-что уцелевшие от времени народные песни и сказания.

Исторические, достоверные данные в виде письменных свидетельств появляются гораздо позднее и не в одно и то же время для всех концов края: для одних заходя еще в эллинистическую эпоху III в. II в. до Р. Хр., для других не ранее X в. по Р. Хр. Производившиеся археологические изыскания обнаружили в крае следы самого первобытного состояния человечества в период еще древнего каменного века (палфолита). Становища каменного века обнаружены в разных местах, как в Тургайской обл.¹⁾, сев.-вост. части Орского у. Оренбургской губ.²⁾, Сыр-Дарьинской области³⁾, так и в противоположном углу—у подножья Алтайских гор⁴⁾ и по берегам Иртыша⁵⁾. Кроме того во многих других местах найдены каменные орудия, топоры, наконечники стрел, ножи, кремневые скребки и т. п., как древнего, так и нового каменного века (неолита⁶⁾). Но все же следов так назыв. „доисторического“ человека, несмотря на все основания иметь их в изобилии, найдено пока очень немного (особенно на юге, в Туркестане): да и то,

---

1) В Тургайской обл., Кустанайском у. в Биштабинской волости, вблизи озера Эбелея в лесчаных барханах, носящих признаки прежде существовавшего здесь хвойного леса. На месте становища обнаружено множество осколков кремня, кремневых скребков и т. п.

И. Кастанье. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910 г.

2) К сев.-востоку от города Орска, близ деревни Идельбаевой на р. Губерле.

3) На острове Николая на Аральском море и к сев. от г. Туркестана—*ibid.*

4) Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. П. П. Семенова т. XVII Киргизский край, СПб. 1903 год стр. 138.

5) *ibid.*

6) Напр., в горах Кара-Тау (в Туркестане)—Кастанье. Древности; или в сыпучих песках 250 в. от Оренбурга на юг на горе Мертвые Соли зауральной части Оренб. уезда—Д. Н. Соколов. Оренбургская губерния. М. 1916 г.—Также в Кокчетавском уезде Акмолинской области—Кастанье. Древности.

что обнаружено, плохо еще изучено. В сущности настоящие научные работы начались у нас совсем недавно. Потому-то собранный сейчас материал и является далеко недостаточным, чтобы можно было делать на основании его какие-либо выводы об характере и типе этой древнейшей культуры; только дальнейшие исследования дадут возможность более или менее определенной ей характеристики.

Круг нашего знания заметно расширяется только с переходом к медному или бронзовому веку. Памятники этого периода, известные нам, — более многочисленны и разнообразны. По берегам Урала, Илека, Ори, Тобола, Ишима, Иртыша, близ Павлодара, Усть-Каменогорска, Каркаралинска, Оренбурга, на далеком Алтае сохранились следы этой медно-бронзовой культуры неизвестного нам народа, который позднейшие насельники края, именно русские переселенцы, окрестили именем „чудь“. Далее этого района, южнее его, „чудь“, повидимому, не распространялась, да и отсюда она постепенно, с конца бронзового века, начинает отступать на север. Происхождение и этническая принадлежность этого народа до сих пор остаются невыясненными, и отдельные решения в этом направлении не идут дальше различных гипотез и предположений. То, что известно об „чудь“ рисует ее нам стоящей на известной ступени культурного развития и бывшей вполне оседлой народностью. Живя в укрепленных городах, так называемых „городищах“, она имела довольно развитую промышленность, знала письменность, была знакома с искусствами и имела, наконец, определенные религиозные представления с соответственными им обычаями и обрядами. Городища „чудь“ — это небольшие сооружения из глины, дерева (срубы) и камня, располагавшиеся обыкновенно по берегам рек и озер, иногда, впрочем, имевшие вид укреплений и помещавшиеся на неприступных местах (как, напр., в окрестностях Каркаралинска). В них-то найдены медные и бронзовые орудия и разнообразная глиняная и бронзовая посуда (чаши и урны), почти всегда изукрашенная различными узорами. Вместе с тем попадались в городищах и шорные изделия (удила и стремяна с бронзовыми и медными насечками и т. п.) и орудия для обработки полей. Последнее ясно указывает, что „чудь“ была не только оседлым, но и земледельческим народом. Однако, земледелие не было, повидимому, главным его занятием; масса рассеянных по чудской территории — „чудских копей“ заставляет думать, что особенно было развито у них именно горное дело (см. копи Оренб. губ., Тургайской обл., так назыв. „ордынки“, Акмолинской обл., Семипалатинской обл.)

Почти все богатейшие залежи меди и свинца нашего края были начаты разработкой во времена „чудь“, то что без преувеличения должно признать, что современная горная промышленность возникла на их коях, только в последнее время перейдя к использованию некогда еще не тронутых месторождений. Главным центром чудских разработок являлся теперешний Каркаралинский у. Семипалатинской обл., а также отчасти и сев. запад. Алтай, т.-е. опять те же районы где до самого недавнего времени и в настоящее время была наиболее развита горная промышленность. Пионеры горного дела в нашем крае — „чудь“ извлекала, однако, из открываемых ею рудников единственно только черную медь или окись этого металла, нередко попадающуюся в жилах, пренебрегая даже самыми богатыми рудами как, малахит, красная медная руда и серебряно-свинцовая. Объясняется это, конечно, тем, что техника выплавки металла из рудных жил не была еще достаточно усовершенствована, почему эта неизвестная нам народность и выбирала руды наиболее плавкие. Нередко даже

извлекалась не вся рудная жила, а выбирались только самые лучшие куски руды, дававшие наибольшее количество металла, и эта выборка производилась тут-же на месте, посредством вырубки долом лучших мест. Впрочем чужь не всегда пренебрегала и менее поддающимися на плавку рудами, каковы, например, Рождественские руды с примесью порфиров.

Из других предметов их добычи можно еще указать на примитивные приемы извлечения золота из жильного кварца, что подтверждается остатками целой такой фабрики, обнаруженными в Кокчетавском уезде, близ станции Котуркульской в урочище Азанбай при разведках жильного золота. Масса труда и энергии было потрачено первыми рудокопами, особенно если принять во внимание те срудия выработки, с которыми им приходилось обращаться при долблении крепких кремнистых пород, где нередко залегают медные руды, и которые теперь добываются не иначе, как при помощи пороховых взрывов. А ведь те, давно исчезнувшие неутомимые рудоискатели зачастую обходились на первых порах одними каменными орудиями и только позже стали применять наряду с ними и медные (находки этих орудий в „чудских рудниках“ многочисленны: это—или кайла, но не двусторонние, как делают теперь, а односторонние, или долота, но не вставлявшиеся в деревянную рукоятку, а надевавшиеся на нее, или молоты, или ножи и т. п.)

В первой стадии работы велись обычно ямами, и, смотря по характеру месторождения, размеры их были от одного аршина до нескольких сажен в диаметре. Глубина их, тоже не будучи постоянной нередко достигала 3-х сажен. Чудские ямы в степи видеть можно довольно часто; в наши дни они представляют более или менее заметные углубления; по степени их обвалов должно полагать, что некоторые из них завалены. Еще теперь можно наблюдать с известными подробностями приемы и последовательность работы чудских рудокопов. Вблизи самого Оренбурга, на левом берегу реки Бердянки, впадающей в Урал слева немного выше города, на обширной площади между Караванной дорожкой и р. Уралом расположен рудник в XVIII в. называвшийся Сайгачьим. Видны разбросанные воронки разработок чудских копей и их отвалы в виде кургано-образных куч. Уцелели полузаваленные входы в рудники, представлявшие горизонтальные галлерей, вырубленные в камне. Вход имел вертикальные стены и сводчатый верх, все это правильной симметричной формы с гладко выравненными потолками и стенами; высота входа—значительно выше роста человека, длина галлерей—несколько сажен. Таким образом начинавшаяся с рытья простых ям работа скоро переходила к пробитию в горных породах сложных и правильных корридоров.

Чужь не довольствовалась, однако, найденными месторождениями и производила дальнейшие разведки на других местах, потом оказавшихся не заслуживающими разработки. Так до сих пор еще можно видеть небольшие ямы около горы Толачая Акчетавской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области, которые за неимением руд были брошены. Самая выплавка медной руды производилась в небольших глиняных горшках, и образовавшаяся масса выливалась в виде лепешкообразных кусков в 2—3 фунта весом. Такие куски не раз находились вблизи чудских разработок. Там же попадаются и наконечники стрел, сделанные из меди, чаще с тройным лезвием, наконечники копий, короткие и широкие, прикреплявшиеся к дереву гвоздем (особенно много обнаружено их на правом берегу р. Бердянки против Сайгачьего рудника на песчаном поле

около Карантина, что заставляет предполагать здесь для древних времен присутствие завода, выделывавшего стрелы из меди, добываемой из рудников противоположного берега).

Но при всем этом чудь была народ слабый в военном отношении, с трудом только защищавшая свою независимость, в конце концов не смгшая ее отстоять от своих новых и более сильных соседей. Это был народ, преимущественно земледельческий, промышленный, торговый, во всяком случае мирный и трудолюбивый, создавший и сохранивший свое имя в памяти сменявших его народностей не на поприще славных военных подвигов, разорения соседей и уничтожения культурных центров, а на мирной ниве труда и мирового прогресса человечества.

Курганные насыпи и могильники, столь не редкие в нашем крае, открывают нам и духовный мир этого трудолюбивого народа, который уже изжил грубый фетишизм первобытной религии и уже перешел к политеизму и представлениям о загробной жизни в своих религиозных понятиях. Он заботился уже о погребении умерших, старался о внешнем и внутреннем убранстве их могил, выкладывая последние камнем или деревом, наряжая умерших в лучшие одежды, украшая их всякого рода драгоценностями-ожерельями, кольцами, запястьями и т. п., зарывая вместе с умершими необходимые вещи его домашнего обихода как-то: чаши, горшки и пр., глубоко веря, что загробная жизнь есть ничто иное, как естественное продолжение земной. Правда, встречаются случаи и сожжения умерших, на что указывают находимые в некоторых могилах медные жертвенники и сосуды с пеплом, но они не являются особенно распространенными.

Местом его религиозных собраний служили капища, где находились изображения богов в виде грубо вылитых фигур человека и животных (медведя и каких-то птиц). Письмена, так называемые „писяницы“, делавшиеся им чаще всего на камнях, выдалбливались или красились, форма знаков напоминает древне греческие и индейские (зендские) знаки; самая запись производилась в горизонтальном порядке. Только с расширением наших знаний, путем систематических археологических разведок и раскопок, а также расшифрования загадочных „чудских писянцев“ возможна будет цельная и полная характеристика медно-бронзовой культуры северной половины нашего края. Но не оставалось совершенно пустынной и без всякого культурного развития в этот период и южная его половина; однако при отсутствии достаточных данных, мы не можем говорить сколько-нибудь основательно о связи населения с „чудью“.

За пустынными и песчаными пространствами Кызыл-Кума, Каракума и Голодной степи растут цветущие долины р.р. Сыр-Дарья (древ. Яксарта) и Аму-Дарья (древ. Окуса), издавна населенные культурными народностями, современниками севернее их жившей чуди. Происхождение их неясно и неопределенно, а принадлежность к группе народов, занимавших среднее место между кавказскими и тибетскими племенами, столь-же гипотетично, как отнесение „чуди“ к угрофинской отрасли человечества. Культура этих племен, основанная уже тоже на знакомстве с медью и бронзой, была строго земледельческой, соединенной с возделыванием земли при помощи плуга. Скотоводство играло второстепенную роль и с разведением рогатого скота не было еще связано молочное хозяйство столь характерное для быта кочевников, все существование которых покоится главным образом на молоке их стад; разводившийся рогатый скот служил исключительно рабочим или убойным скотом. Культура эта, подробности которой

еще недостаточно нам известны, имела широкое распространение, захватывая страны, лежащие далеко к востоку и югу, и питаясь сама из богатейших источников Передней Азии. Одним словом, это был один из отпрысков древнейшей сумеро-аккадской цивилизации, существовавшей еще за 4000 лет до Р. Хр., только не так ярко осветившейся на этой отдаленной окраине.

Лишь в 3-м тысячелетии являются сюда арийцы, тогда еще кочевники, очень скоро распространившиеся по всей территории края и быстро смывшие первые культурные побеги¹). Под натиском их чудь быстро покинула свои места, уйдя на север, не имея сил сопротивляться свежим и сплоченным массам варварских племен, и только южные ее соседи, как более сильные, организованные, дольше противодействовали арийскому нашествию, которое долго задерживалось на Яксарте. Однако, первые исторические известия дошедшие до нас и относящиеся к VII в. до Р. Хр. („Arimasfeia“ Аристеея) не застают уже здесь доарийского населения за исключением немногих его остатков в виде каких-то загадочных каспиев, оттесненных в горы; на всем остальном пространстве: в Аральских степях, в Яксарской области, на Оксусе и на Памире, в западной части бассейна Тарима всюду уже встречаются одни массагеты и саки, под каким именем древние греки знали первых арийцев в наших равнинах и плоскогорьях. Этими сведениями Аристеея воспользовался позже другой грек—Геродот, живший в V в. до Р. Хр., от которого мы и имеем наиболее полные известия о древнейшем населении, жившем на нашей территории и о его ближайших соседях (исседонах, народе тибетского племени, занимавшем значительную часть бассейна Тарима). Показания обоих могут быть отчасти еще дополнены и позднейшими данными Страбона²) и Аммиана Марцелина, римских писателей (с II в. до Р. Хр. и до IV по Р. Хр.), в трудах которых массагеты и саки являются уже под новыми наименованиями сармат и аланов, но сами авторы дают понять, что эти новые племена есть естественные потомки более древних массагетов.

Разнообразные природные условия обширного края естественно должны были создать и не одинаковый образ жизни расселившихся здесь арийских народов.

В то время, как население гористых местностей и плодородных, богато-орошенных оазисов, разбросанных по пустыне, быстро и естественно перешло к оседлой жизни, занявшись земледелием, садоводством и скотоводством, кочевые номады бесплодных степных пространств должны были постоянно странствовать, часто меняя одно пастбище на другое, и никогда не задерживаясь на долго на одном и том же месте, такая жизнь рано воспитала в них смелых наездников, всегда склонных к грабежам, насилиям и вместе с тем весьма опасных врагов по отношению к лежащим вблизи от них оседлым культурным центрам. Так создался здесь сам собою вековой антагонизм жителей цветущих оазисов и диких номадов

1) Излагая эти «доисторические события», спешим оговориться, что не следует считать их вполне установленными. До сих пор еще вопрос о доарийском населении Туркестана висит в воздухе, и нет прямых данных отрицать противоположное мнение, желающее видеть в арийцах автохтонов края, а в самой средней Азии—родину всех арийских народов. Одним словом, до сих пор эти вопросы остаются спорными в исторической науке.

2) Страбон, писатель I в. по Р. Хр., черпал из источников, относящихся к II в. до Р. Хр.

степей, нашедший свое поэтическое выражение в персидской поэме: „Бой Рустема и Зораба“.

Античное предание вполне согласно характеризует этих первых арийских кочевников, как конных дружинников, чрезвычайно похожих на скифов южно-русских равнин, но отличающихся от них некоторыми новыми чертами. Внешний вид их был такой-же, как и скифов: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян (штаны). От своих западных соседей они отличались только большею грубостью и дикостью. Как и те, сарматы были конные рыцари. Главным их оружием являлись тоже луки, копья и секиры, которыми вооружены были и скифы, и только позже получили преобладание длинные мечи и огромные тяжелые копья. Как и скифы, они были защищены чешуйчатыми панцырями из костяных или железных чешуек, причем такая же чешуйчатая броня покрывала и их коня. Однако, наряду с этими чешуйчатыми панцырями встречалась и новая, чуждая скифам кольчуга, образцы которой в большом числе экземпляров найдены в крае. Они были уже знакомы с железом, но во времена Геродота оно не составляло еще их главного рабочего материала, каковым все еще были медь и золото.

Пища их состояла в продуктах, доставляемых скотоводством, а также в употреблении рыбы, при том в сыром виде; мясо было мало распространено, т. к. они сберегали известные породы скота для шерсти и молока и чаще довольствовались даже одними дикими фруктами.

Семейный их быт сохранял те же черты первобытного развития. Известный уже нам Геродот так характеризует его: „каждый имеет одну жену, но женщины все-таки общее достояние, так что если кому-нибудь из них приглянется какая-нибудь женщина, то он не стесняется разделить с ней ложе, после того, как повесит свой колчан на телеге. Когда кто состарится, то собираются все его родственники, убивают его, затем режут скот, смешав с его мясом труп умершего, варят и пируют. Это их высшее блаженство. Кто умер от болезни, то его хоронят в земле, сожалея, что не могли его съесть“.

— „В торговле они честны и без обмана“. Строй государственной жизни их в общем мало разнился от скифского, за исключением большей раздельности и разбитости. Нам известны порой не только цари отдельных племен, но и „скиптроносцы“ отдельных частей племени. В области религиозных верований они были огнепоклонники и, как свидетельствует Геродот: „из всех богов почитают только солнце, которому приносят, как быстрейшему, лошадей, самое быстрое животное“. Сравнительные наблюдения, производимые вообще над древностями, находимыми как в сарматских курганах наших степей, так и в южно-русских, приводят к определенному убеждению о тождестве их культур, которые были в несомненной связи друг с другом, при чем, центром, откуда шли все культурные направления, несомненно, была Скифия, лежавшая по ту сторону теперешнего Дона и Донца, а Аральские степи жили только отраженным и ослабленным его светом, что и доказывается большею простотой и бедностью обнаруживаемых при раскопках предметов быта. Ранее других вошли в более тесное соприкосновение с мировыми культурными центрами Передней Азии те области края, которые лежали к югу от реки Яксарта, издревле составлявшие особое вполне уже оседлое государство, история которого до соединения с Персидской монархией, однако, темна и легендарна. Называлось это государство Бактрией, и слагалось из трех главных административно-политических единиц:

1) Собственно Бактрии, по верхнему течению Окса, вокруг теперешнего Балха, 2) Согдианы—между верхними течениями Оксуса и Яксарта, и 3) Ховарезмии (Хорезма)—на северо-запад от Согдианы по направлению к низовьям Окса. Развиваясь под постоянной угрозой нападения со стороны цыких номадов севера, Бактрийское государство с самого начала строилось на основах вооруженного лагеря с определенным преобладанием военного дворянства, из среды которого и вышла затем наследственная княжеская и царская власть. Это вооруженное дворянство составляло в то же время и земледельческое сословие, в полном подчинении у которого находилось все крестьянство. Бесперывная, никогда не прекращавшаяся борьба на северных границах государства сплетается в позднейших преданиях со сказаниями о борьбе светлых божеств с демонами, так же как с другой стороны многие мифы и легенды о богах сами произошли из воспоминаний об этих бесчисленных и бесконечных войнах. Поэтому так трудно и даже невозможно излагать историю Бактрии в древнейшее время. В VI в. до Р. Хр. Бактрия прекратила самостоятельное существование, войдя в состав Персидской монархии, после покорения ее Киром во время его большого похода на восток. Массагеты, под которыми разумелись всегда кочевники—арийцы, во времена Геродота (т.-е. в V в. до Р. Хр.) отодвинулись уже далеко от Оксуса, где они еще были заметны в VII в., и Кир в своем восточном походе встретился с ними только за р. Яксартом (Геродот I, 202).

Все пространство на юг от Яксарта, там где это являлось возможным, было уже занято оседлыми народностями того же арийского племени, на что и указывает Геродот, говоря о земледелии и при том в условиях искусственного орошения, как об обычном занятии местного населения (Геродот III, 117). Однако, культурный уровень местных арийцев не был еще высок, значительно уступая в своем развитии населению западных областей персидского государства. Так до сих пор не найдено еще никаких следов, указывающих на существование у них письменности до усвоения ими месопотамской культуры, которая только с V в. начала заметно проникать в долину р.р. Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Персидское господство почти над всеми этими территориями длилось до времен Александра Великого, разрушившего Персидское государство и покорившего Бактрию и Согдиану. Только Хорезм еще ранее сбросил с себя персидское владычество, но когда, точно неизвестно; уже в IV в. он не являлся составной частью Персии, но, как впоследствии в эпоху монгольского господства, в политическом отношении составлял одно целое с Юго-Востоком нынешней Европейской России. Тогдашний владетель Хорезма, граничившего с Колхидой, Фарасман имел дружеские сношения с Александром Македонским и, заискивая перед великим победителем при свидании с ним в Бактрах весной 328 г. предлагал ему всяческое содействие в случае, если бы тот предпринял поход к Черному морю. Такими действиями Фарасману и удалось, вероятно, отстоять свою независимость. Тем более, что Александр, занятый индийскими делами и озабоченный упрочением греческого влияния и господства в ново-завоеванных странах, особенно и не стремился к дальнейшему расширению границ своей державы в северо-восточном направлении.

С распадением монархии Александра Бактрия и Согдиана вошли в состав царства Селевкидов, когда и подвергались особенно сильному воздействию эллинистической культуры. Однако,

владычество Селевкидов продержалось не долго, так как им очень уже рано пришлось бороться с пробудившейся древнею персидскою религиею магов (мавдеизмом) и с наступающими с севера кочевниками, теми самими, которые в свое время остановили движение Александра на Яксарте, ниже нынешнего Ходжента, и теперь продолжали опустошать пределы оседлых народностей. Уже в половине III в. до Р. Хр. (250 г.) Бактрия с наместником своим Диодотом во главе отложилась и образовала самостоятельное Греко-Бактрийское государство, включавшее в себя вместе с собственно Бактрией и Согдиану. В какие отношения встало это новое политическое образование к Хорезму, и вообще вся история последнего после Александра В. до самого прихода тюрков, остается нам совсем неизвестным.

Правление третьего бактрийского царя Ефтидема около 220 г. до Р. Хр. было высшей ступенью могущества Бактрии, как в области внешнего политического ее расширения в юго-восточном направлении, так и внутреннего культурного благоустройства.

Большое и благотворное влияние на такой быстрый прогресс государственной жизни среди не вполне тогда еще осевших бактрийских и согдианских народностей оказывала усвоенная ими религия Зороастра (маздеизм, парсизм), незаметно смягчавшая их грубые нравы и рано приучившая их к занятию земледелием, выставлявшаяся ею как одна из высших добродетелей, следуя которой человек увеличивает добро и тем способствует лишней раз торжеству светлого начала Ормузды долженствующего победить, наконец, мировое зло. Чуждая обычного языческого многобожия, незнавшая пышных храмов и алтарей, признававшая извечный дуализм всего существующего и почитавшая прежде всего неугасимый огонь, как воплощение высшей чистоты мира, эта высокая для своего времени религия призвала своих последователей всегда и везде сторониться лжи, зависти и обмана, как порождений темных сил Аримана и ценить больше всего душевную чистоту, это величайшее благо человека. При таких обстоятельствах понятно то великое и культурное значение, которое парсизм сыграл в жизни древних бактрийцев и согдианцев.

К этой то эпохе и относятся древнейшие до сих пор найденные в крае монеты, статуетки и т. п. Вообще же находки глубокой древности очень редки в Туркестанском крае, несмотря на его богатую и длинную историю; объясняется это многими причинами: так македоняне были здесь лишь временными завоевателями, а греки-бактрийцы и прочее иранское оседлое население южной части Туркестана жили в очень незащищенных от времени глинобитных постройках небольшого размера и лишь в редких случаях возводили здания из жженого кирпича. Разрушенные варварами и брошенные их обитателями они легко исчезли без всяких следов для будущего, что довершалось еще весьма частыми в этом крае землетрясениями. Однако, быстрое возвышение греко-бактрийского государства было далеко непрочным, тем более, что сами его правители, совершенно того не сознавая, ослабляли себя беспрестанными войнами за обладание Индией, требовавшими от них значительных материальных и военных средств. По крайней мере, такими завоеваниями в Индии занимались и сын Ефтидема Деметрий и современник парфянского царя Митридата I (171—138 г.г. до Р. Хр.) Евкратид. В результате такой близорукой политики силы, нужные для удержания своего господства в Бактрии, были растрачены совсем нецелесообразно, и опиравшиеся в своей власти только на греческое наемное войско, греко-бактрийские цари Деметрий и Евкратид, настолько, наконец, ослабили себя изнури-

тельной борьбой на юге, что скоро оказались совершенно бессильными не только со стороны защищать неприкосновенность основной своей территории, не допуская захватов ее соседними народами, но не были в состоянии удержать в повиновении себе даже отдельные свои провинции. Действительно, парфяне, еще недавно бывшие значительно слабее их, теперь без особых усилий отняли у Евкратида две его бактрийские сатрапии—Аспион и Туриву—явное доказательство того, что нормальное развитие политической жизни давно было нарушено, и государство не имело уже достаточных сил для должного отпора к внешнему натиску. В самом деле, еще в половине II в. до Р. Хр., если не раньше (около 160—150 годов), поднялась против греческого владычества Согдиана, воспользовавшаяся отсутствием главных правительственных сил, отправившихся на завоевание Индии. Воинственные от природы, у которых воинственность всегда поддерживалась необходимостью обороны от постоянных набегов соседних кочевников, согдианцы никогда не мирились с потерей своей независимости, ради которой они вынудили в свое время Александра Македонского потерять почти три года его короткой жизни на их покорение и на усмирение их восстаний. И вот теперь руководимые тем же стремлением, они вновь организовали восстание и, быстро добившись свержения ненавистной им греческой власти, не мало способствовали и окончательному распаду ее владений; по крайней мере римский писатель Юстин именно их называет во главе тех народов, войны с которыми истощили силы греко-бактрийцев. Лишившись таким образом значительной и важнейшей части своей территории, Бактрия быстро пошла по наклонной плоскости дальнейшего своего разложения, ибо возникшие вслед за этим внутренние настроения в самой правящей среде, вылившиеся скоро в настоящую гражданскую войну между различными претендентами на обладание царской властью, привели ее к полному ничтожеству, отняв у нее всякую возможность даже более или менее удовлетворительно выполнять прежде с успехом решавшуюся задачу—держать варваров вдали от своих границ и защищать от них эллинистическую культуру.

А между тем там на дальнем северо-востоке, далеко за Бактрийской границей в бассейне Тарима, уже нарождались крупные события: новые народы тюркского происхождения приходили в движение. Сдвинувшись с насиженных мест и не находя себе естественного выхода на юго-востоке, они во II в. до Р. Хр. устремляются неудержимой лавиной на запад в Аральские степи, увлекая и гоня перед собой ранее здесь кочевавшие тюркские и арийские племена. Но еще до них одному тюркскому племени, появившемуся в теперешних киргизских степях еще в отдаленные времена, о которых не помнит история, удалось сыграть не малую роль в политических событиях нашего края и в частности в судьбах распадавшегося и гибнувшего греко-бактрийского государства. Мы имеем в виду канглов (кангюй), уже тогда занимавших низовья Аму-Дарьи, среднее течение Сыр-Дарьи и долину р. Чу, и оказавших большую и существенную поддержку восставшим в полов. II в. до Р. Хр. согдианцам. По крайней мере нахождение долины Заравшана в вассальной зависимости от кангюйцев в 129 г. до Р. Хр., когда эти места посетил китайский посол Чжан-Кянь, заставляет предполагать, что для своего отложения или для защиты против попыток греков восстановить свое владычество, согдианцы прибегнули к помощи Кангюя, обязавшись признавать вассальную зависимость и давать дань или дары.

Располагавшие войском до 120 т. человек кангюйцы являлись тогда уже достаточно сильным кочевым владением и держали в подчинении не только вышеупомянутые оседлые поселения долины Заравшана с главными городами около нынешних Самарканда, Катта-кургана и Бухары, но также еще два культурных центра, один из которых соответствовал нынешнему Ташкенту (Юйни), другой Хиве.

Раз втянувшись в бактрийские дела и добившись быстрого и головокружительного успеха, они не бросили их совершенно и долго еще не оставляли новых попыток к дальнейшему распространению своего влияния. Так побуждаемые жаждой добычи, они сейчас же за отложением Согдианы устремились и на ближайшие к ним западные бактрийские сатрапии и завладели Маргианой (Сеистаном), где после временной и непродолжительной его утраты, наконец и утвердились.

Таким образом залогом до главного и решительного натиска различных тюркских народностей судьба греческого элемента к северу от Гиндукуша уже была решена. После отложения Согдианы, утраты Маргианы, захваченной кангюйцами¹⁾ и особенно после отнятия парфянами двух важных западных сатрапий, незначительные остатки его, державшиеся в восточной Бактрии, оставили последнюю и удалились к своим единоплеменникам в Кабулистане и Индии, ибо дальнейшее пребывание здесь было уже бесполезным и даже не совсем безопасным; так как продолжавшийся наплыв кочевников и все яснее и яснее обнаружившееся нежелание туземного иранского населения Бактрианы подчиняться горсти чуждых им пришельцев сулила впереди одну только несомненную гибель.

По крайней мере появившиеся на границах прежнего греко-бактрийского государства около 141—136 г. до Р. Хр. новые тюркские племена юз-чжи уже не застали здесь греков и имели дело с одними лишь разрозненными силами туземного населения, которое быстро и подчинили. И это было тем более легко сделать, что отличительной чертой всего политико-общественного устройства этого нового государственного образования являлось отсутствие всякого внутреннего единства, так как по словам Чжан-кяня здесь не было ни общего государя, ни какого-либо другого общего главы и почти каждый город поставлял своего правителя. От старой централизации, на которой в значительной степени покоилось прежнее греческое господство, не оставалось теперь и следа; она рушилась вместе с последним, и как ранее в Согдиане, так теперь в Бактриане усиленно проявилось стремление к децентрализации, к обособлению на возможно более мелкие, но самостоятельные общинно-территориальные деления.

Так на месте прежнего культурного государства появились теперь полудикие кочевые тюркские наездники, прорвавшиеся в результате больших и крупных перемен, совершившихся тогда во всем кочевом мире. И если здесь пришедшие тюрки были еще немногочисленны и не могли смести совершенно прежней господствовавшей народности и культуры еще целый ряд веков отстаивавших свое существование, то там, где приливы тюркских волн следовали одна за другой непрерывно и начались к тому же значительно ранее в

¹⁾ Кангюй—есть китайская транскрипция имени племени, «канглы», которое (подобно именам многих тюркских племен, происходящих от названий разных урочищ и рек в Алтае) происходит от реки Кан или Канг с прибавкою лык или лы (напр. Кашгар-лык, Ташкент-лык и т. д. для указания происхождения из Кашгара, Ташкента и т. п.).

полупустынных Арало-Каспийских степях—новые пришельцы возобладали гораздо скорее, оттесняя прежние туземные племена все далее и далее на запад. И если в южных областях тюркский элемент победил не ранее X—XI в. в. по Р. Хр., то в северных он достиг этого уже ко II в. христианской эры.

Важнейшая литература.

1. И. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург. 1910 г.
  2. «Россия». Полное географическое описание нашего отечества т. XVIII **Киргизский край**. СПб. 1903 г. (глава IV-ая. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи).
  3. Д. Н. Соколов. Оренбургская губерния. Москва. 1916 г.
  4. Геродот. История. пер. Мищенко.
  5. К. Брандис. Древние народы по побережьям Черного и восточной части Средиземного морей—«История человечества» под редакц. Гольмольта, т. IV. СПб.
  6. Г. Шурц. Средняя Азия и Сибирь (Первобытные времена и начало исторического существования Средней Азии)—«История человечества» под редакц. Гольмольта, т. II. СПб. 1909.
  7. Н. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах—«Русский Антропологический журнал» 1904 г. № 1—2 и др.
  - 8*). Э. И. Эйхвальд. О чудских копях—«Труды Восточного Отд. Археол. Общ.» ч. III.
  - 9*). Н. А. Бронников. Кангюй, Канглы или Кан и Юэчжи (К исторической географии Русского Туркестана)—«Записки Имп. Москов. Археологического Института» т. XXXV. Москва. 1914 г.
  - 10*) Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. СПб. 1877 год.
  11. Кн. В. Масальский. Исторические судьбы Туркестана и культурные его успехи—«Россия». Полное географическое описание нашего отечества т. XIX.
  - 12*) В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана СПб. 1914 г.
- Примечание: Звездочкой обозначены те пособия, которые хотя и были известны автору, но не могли быть им использованы в виду отсутствия их под руками при самом писании работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхождение тюркского народа и его древнейшая история до начала XIII в. по Р. Хр.

Современные тюркские народности, раскинувшиеся на огромных пространствах Восточной Европы и Средней Азии, легко группируются по овойствам своего языка в три основные ветви единого тюркского племени, вполне определившиеся еще в VI в. христианской эры: во 1) западных тюрков, во 2) восточных тюрков и в 3) южных тюрков¹⁾. Западные тюрки в настоящее время слагаются из следующих племен: казак-киргизов, собственно киргизов, сибирских или иртышских татар, башкир и волжских татар; южные—из туркмен, турок азербайджанских (сазербайджанских), кавказских, анатолийских, крымских и турок Балканского полуострова; восточные—из ряда алтайских племен, в свою очередь разбившихся на 8 языковых подразделений, среди которых древнейшее—уйгурское, ныне мертвое, оставшееся только в письменных памятниках.

Первоначальной родиной всех этих отдельных племен тогда, когда они еще составляли одну нераздельную народность, были долины и плоскогорья, заключенные между двумя горными хребтами Алтая и Саянских гор, откуда уже очень давно, о чем совсем не помнит история, начались их последовательные выселения в южном и юго-западном направлениях, очевидно, под влиянием естественного перенаселения своих пастбищных территорий²⁾. В VIII в. до Р. Хр. они уже распространяются далеко на юг и китайские летописи указывают на них в нынешних провинциях Шень-си, Гань-су (по правому берегу реки Желтой) и в горах лежащих отсюда к северо-западу). В древнейшие времена все эти вошедшие в соприкосновение с китайцами тюркские племена известны были у последних под общим именем „жун“ (тань-жун) (горные жун), дун-жун (запад. жун, или чаще всего жуиди), с которыми им пришлось выдержать трудную борьбу в течение нескольких столетий: пользуясь постоянными междоусобиями китайских удельных князьков жун часто вторгалась глубоко в китайскую территорию и опустошала страну. Только к концу VII в. до Р. Хр.,

---

1) Некоторые исследователи, как например Радлов, выделяют еще 4-ую группу—среднеазиатских тюрков (оседлых тюрков Восточного и Западного Туркестана), но это вряд ли справедливо, так как среднеазиатские тюркские диалекты не представляют чистой лингвистической группы, а являются смешением диалектов разных групп (см. у В. Бартольда). Что же касается якутов и чувашей, то они по своим языковым особенностям представляют из себя не совсем чистых тюрков, образовавшихся через смешение их с совершенно им чуждой народностью—финскою.

2) Несомненно ими были «аримасы» Аримастя, жившие севернее иседеонов и еще в VIII в. предпринимавшие походы на юг и на север от своей территории: в бассейн Тарима и в горную область Алтая, где под «Грифами», охранителями золота, но сообщению того же Аримастя, они, конечно, встречались и сталкивались ни с кем иным, как с промышленной народностью «Чудью», носительницей известной уже нам медно-бронзовой культуры.

когда усиливаются князья удела Цинь, удается китайцам привести часть их племен в подчиненное положение.

В половине третьего века до Р. Хр. все эти и севернее их лежавшие тюрки объединились в одну могущественную империю, от китайцев получившую название Хун-ну и которая распространялась от пределов сев. Монголии до Китайской провинции Гань-су. Отнесенные к IV в. до Р. Хр. за р. Желтую, так что лишь незначительная часть их оставалась даже и на левом берегу ее, они теперь вновь устремились в том же направлении и только временный под'ем Китая в период правления Шя-хуан-Ди (246—210 г. г. до Р. Хр.), обеспечившего новые свои приобретения в тюркских землях военными колониями, и собственно китайские территории сооружением „великой стены“, тянувшейся от побережья Желтого моря до порта Гань-су, несколько задержал рост их могущества. Начавшиеся вскоре после смерти Шихуавди новые смуты очень скоро уничтожили совершенно всю пользу его огромного сооружения и дали на время новый толчек движению тюрков Хун-ну в старом излюбленном направлении, от которого они только что уклонились на запад, приведя в замешательство соседние с ними народы и отозвавшись далеко в самой глубине Азии; в результате часть северо-западного Китая стала вновь их достоянием.

Этот крупный успех тюркской державы совпадает с правлением Модэ (Метэ) (209—174 г. г.) личности для своего времени далеко не заурядной, если не сказать выдающейся.

Это единственный варвар—государь, который вынуждает у китайцев уважение и даже удивление, хотя он смирил их же самих, а это значило очень много для такого гордого народа, каким они всегда были. Добившись власти не вполне законными путями Метэ сохранению ее за собой всецело обязан своим дарованиям, т. к. с самого начала ему пришлось встретиться с большими затруднениями и опасностями. Унаследованное им государство Хун-ну он нашел в очень невыгодных географических и политических условиях, т. к. замкнутое между двумя могущественными соседями, оно находилось под постепенной угрозой нападения с их стороны: на востоке тунгусских племен, родственных Корейцам, Тунху, воспользовавшихся перевесом своих сил, чтобы потребовать большое вознаграждение за свой нейтралитет во время насильственного переворота в соседней стране; на северо-западе юз-чжи, тюркского же кочевого племени, жившего у Алтын-Тага и явившегося посредником в торговле Китая с Западом (интересное свидетельство, лишнее раз показывающее как далеко уже от своей прародины на запад ушли некоторые тюркские племена). Первые подвергались нападению Тунху, введенные в обман мнимой уступчивостью Метэ, и рассеянные должны были удалиться в горную страну нынешней Манчжурии (209 г. до Р. Хр.). Затем очередь дошла и до Юз-чжи (177 г. до Р. Хр.), которые под натиском Хун-ну начали отходить в самые отдаленные части своей страны в бассейн Тарима, где еще и задерживались некоторое время до самой смерти Метэ.

Так были расширены границы прежнего Хун—нского государства в западном, восточном и южном направлениях, причем без особых затруднений были присоединены лежавшие на пути более мелкие соседние государства. А в 174 г. Метэ поставил в зависимое положение от себя и самую Среднюю империю, взяв дань с ее императора. Это был момент наивысшего торжества и могущества Хун-ну.

Спрашивается, откуда же возникло самое это наименование и кто были эти хун-ны, создавшие огромную империю и давшие ей свое имя? Последние исторические исследования вполне определенно доказали тождество китайских Хун-ну с позднейшими гуннами европейских писателей, что предполагалось некоторыми историками и ранее, но не было еще обосновано, и признали более правильным их названием именно наименование „гуннов“, но пока еще нет вполне ясных доказательств в пользу тюркского их происхождения и самое большее, что можно теперь сказать об этих монгольских кочевниках, это то, что они в лингвистическом отношении все же стоят в близком родстве с появившимися позднее тюрками. Но если даже и признать, что главное и активное ядро этого первого крупного кочевого объединения и не составляло народности тюркского происхождения, то все же несомненное присутствие в составе его не малого количества чисто тюркских племен, неизбежно влившихся в него при расширении его территории на западе и востоке, вполне позволяет считать державу Метэ первой тюркской государственной организацией, тем более, что и само руководящее племя должно было потому же самому скоро осложниться в своих основных элементах.

В числе подвластных этому тюркских племен, нам становятся теперь известными, кроме юэ-чжи, усунь, их восточные соседи, затем кан-гюй, (отождествляемые с позднейшими канглами), и уже тогда жившие в тех местах, где мы их встретили в половине II века до Р. Хр.; карлуки и тюрки (ту-кю) на Алтае и к югу от Тарбагатай; киргизы (кыргызы), предки наших кара-киргизов, в то время располагавшиеся еще по Енисею, в юж. частях нынешних Енисейской и Томской губ., и в глубокой древности составлявшие самостоятельное государство Гянь-гунь, в II в. до Р. Хр. подчиненное хуннами; к этому то гуннскому периоду и относится смешение гянь-гунь с дилинами, народом принадлежавшим к древней северно-азиатской длинноголовой и светлоокрашенной расе, и обитавшим на юге нынешней Енисейской губ. ¹⁾

М. б. именно вследствие этого смешения имя гянь-гунь впоследствии исчезло и племена эти стали называть себя „Хагас“; наконец значительная масса восточных тюрков, несомненно кочевавших уже в восточных областях Хи-ун-ну, скрытых пока от нас, вместе со своим именем т. к. китайцы не различают их от господствующей монголоидной группы, и которые позже, в V в. по Р. Хр. являются в китайских известиях под названием „гао-гю“, несомненно искаженным словом „уй-гур“, как именовались восточные тюркские племена.

Некоторые исследователи ²⁾ склонны идти дальше и, отождествляя вполне гуннов с уйгурами, считая тех и других чистыми тюрками, признают, что китайское наименование царства Хун-ну (Хиун-ну) есть не более как испорченное слово „Он-уйгур“ (Десяти племенные уйгуры), наименование одной из двух больших

¹⁾ Остатки этой длинноголовой совершенно особой от арийской расы известны с VII в. под именем «пегого» народа, в настоящее время представлены лишь вымирающими енисейскими остягами самое же восточное из племен ее уцелело в виде аборигенов северной части Японского архипелага—айнов обнаруживающих в своем составе сочетание длинноголовой расы с монгольской.

²⁾ В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Приложение к LXXII тому записок Имп. Акад. Наук Спб. 1893 г.

групп, на которые распадалась восточные тюрки-уйгуры, состоявшие из 19 племен¹⁾.

Но вряд ли нужны эти гипотезы, чтобы видеть в державе Метэ все же определенное тюркское государство. Владетели его имели постоянный титул, соответствующий нашему „величеству“—„Тачь-юй“ или „Шань-юй“. При Метэ оно получило и правильное внутреннее устройство: вся территория государства, распадавшегося на две половины—восточное и западное крыло, управлявшиеся вице-королями, тогда как верховный повелитель господствовал, как в мирное, так и в военное время над его центром, была разделена на 24 части, во главе каждой из которых было поставлено особое лицо, называвшееся, по летописям, Вань-ки, что значит предводитель 10.000 всадников. Выше Вань-ки стояли 12 князей, по своей влиятельности далеко не равные. Большим значением пользовались старшие князья—„Чжу-ки (мудрый) и Лули“, должности которых были наследственными и которые составляли особую коллегия из родственников царствующего шанью, подчинявшую себе всех остальных князей. Кроме того, каждый из 24 вождей, имея в качестве подведомственных себе чиновников темников (мынг-башы), сотников (юз-башы) и десятников (он-башы),—являвшихся органом исполнительной власти. Таким образом немногие родовитые семейства фактически держали в своих руках все управление государством.

Это внутреннее устройство, данное Метэ государству Хун-ну, держалось и после его смерти и довольно долго, несмотря на подвижность состава его подданных, сплошь кочевников, что лишний раз только доказывает незаурядные способности этого государственного деятеля варвара-степняка, память о котором долго жила среди его соотечественников, незаметно обрастая красивыми вымыслами и делаясь достоянием творимой легенды.

И есть много оснований думать, что первый единодержавный государь всех тюрков, которого былины именуют Огуз-ханом, есть именно этот Метэ, князь Хун-ну. Действительно многие черты былины очень напоминают китайские известия. Взять, например, рассказ о бое Огуза с отцом, о большом протяжении его государства, о внутреннем упорядочении его и разделении на 24 части, о назначении 6 сыновей (в действительности родственников) старшими князьями—как все эти факты близки к действительным сообщениям китайских летописей. Правда, кое-что переиначено, много принесено чуждого, несвоевременного, многие имена искажены, но это уже общий удел развития устных преданий, часто приводящих в связь с героями седой старины события и деятелей на много позднейшей эпохи.

Государство Гун-ну, не имевшее в своем составе ни одной оседлой территории (ибо сев.-зап. части Китая, захваченные гуннами, вряд ли были знакомы с городской жизнью и, повидимому, изобилуя только пастбищами, потому так и привлекали к себе степных кочевников), не знавшее совсем городской культуры было ярко выраженной кочевой империей. Мало того, в его постоянно кочевавших с места на место подданных и скотоводство не определяло еще вполне их образа жизни, ибо преобладающими свойствами их натуры были всегда одни воинственные склонности, сделавшие из них неутомимых

¹⁾ Название «Хун-ну» по Радлову могло быть обозначением и одной только династии, а не народа и всего государства.

воителей и грозу для их соседей. На первом месте в их обществе стояла привычная к войне молодежь, старики мало ценились, почет и уважение окружали тех, кто убил много врагов, и наоборот—не пользовались никаким значением те, кто не сумел убить еще хотя бы одного неприятеля.

Всецело люди войны они рано выработали те приемы борьбы, которые были в таком распространении у позднейших тюрков, именно, они первые стали применять тактику ловкого и смелого заманивания врага в неожиданную для него засаду путем сначала внезапного натиска конных лучников, затем мнимого бегства, и, наконец, града стрел, под которыми падали на месте неосторожные преследователи: они же первые ввели деление войска на два крыла. Покоряя те или иные народы, Хун-ну, как позже и другие средне-азиатские завоеватели, не вытесняли их с занимаемой территории, не облагали их податью, а спешили возможно скорее слиться с ними, распределяя женщин побежденного племени между победителями, а мужчин размещали по войскам; таким образом быстро происходило скрещивание разноплеменных групп, что вело в дальнейшем уже к вполне смешанному антропологическому типу; таким образом и Хун-ну, скрещиваясь с тюркскими племенами, очень рано стали этнически близкой к тюркам народностью.

После смерти Метэ в правление его сына Лао-шань-шюй (174—161 г.) и внука Гюнь-чень (151—126 г.) могущество гуннов продолжало возрастать. Юэ-чжи были окончательно разбиты после того, как сделали попытку вновь овладеть своей страной, откуда они были вытеснены при Метэ; результатом этого нового страшного поражения было распадение их народа (165 г. до Р. Хр.). Только меньшая часть его расположилась к югу от Нян-Шаня, основное же ядро так называемое „великие юэ-чжи“, вытесненные из бассейна Тарима, следуя самой природой указанному западному направлению, перевалили через Тянь-Шань и явились в беспредельных Аральско-Каспийских степях: первоначально они остановились в долине Иссык-куля, откуда потеснили ранее здесь пребывавшее пастушеское племя иранского происхождения—шэ, которое принуждено было под напором их искать спасения в соседней Фергане¹⁾. Все это произошло около 160 года и было началом массового и великого переселения в наши киргизские степи самых различных тюркских народов.

В самом деле, за торжеством юэ-чжи сейчас же последовали и новые тюркские племена, и Арало-Каспийские степи теперь уже раз навсегда сделались ареной передвижения бесконечного ряда тюркских кочевников. Первыми среди них оказались усунь, народ не совсем обычного типа между азиатами, отличавшийся от них своими русыми волосами и голубыми глазами. Вытесненные из своего прежнего местожительства в провинции Ганьсу наступающими гуннами, они двинулись через долину р. Или и Ала-куля, которые по справедливости получили название „исторических ворот народов“ и вышли к Балхашскому и Иссыккульскому озерам, где скоро и столкнулись с ранее сюда пришедшими юэ-чжи, которые под натиском их стали уходить на юго-запад, захватывая по пути слабые арийские племена, и вместе с ними приближаясь к границам древней Бактрианы¹⁾. Назревали крупные события на юге нашего края.

¹⁾ Правда, дело не обошлось здесь и без личных счетов между двумя этими народами; в свое время подвергшемуся нападению когда-то сильных Юэ-чжей, потерявшие своего госу-

А между тем и за горными хребтами Тянь-Шаня и Алтая обстановка начала резко меняться ввиду отказа Китая от прежней оборонительной тактики в отношении к кочевникам. В лице энергичного императора Ву-ди (140—87 до Р. Хр.). Срединная империя нашла, наконец, правильный выход из создавшихся затруднений, вызванных все возрастающим могуществом Хун-ну. Имея определенный план захватом бассейна Тарима раз'единить южных и северных кочевников и захватить в свои руки все нити западной торговли, ранее находившейся в полной зависимости от капризов кочевников, Ву-ди пытается завязать сношения с юэ-чжи и усунами, заключает с последними дружественный союз, скрепленный брачными узами одной из китайских принцесс с князем этого племени, и угрожая таким образом гуннам с тыла вынуждает их, наконец, после ряда удачных для себя сражений, отступить к северу (120 г. до Р. Хр.), где государство Хун-ну еще долго существовало, распространяясь далеко на запад, но времена былого его величия уже миновали. Эти первые неудачи гуннов приходится на правление младшего брата Гюнь-чэня Ичи-си (126—114 г.) и сына последнего У-Вей-я. Следовавшие за ними У-Шылу (Эр-Шан-Юй), Гюй-ли-ху и Цаюй-ди-хэу (105—94) только умели отбиваться от китайцев, нанося им временами чувствительные поражения, но уже давно забыли об громких успехах над последними.

При их приемниках начинаются уже внутренние смуты, ведущие к разложению государства. Власть узурпируется несколькими Тан-юями, враждующими между собою, а ближайšie, соседние племена, недавно еще зависящие от Хун-ну, пользуясь его затруднениями начинают свои набеги, как с запада, так и с востока (см. войны гуннов с усунами и тунгузскими племенами у-хуан). Бассейн Тарима, эта важная торговая артерия на пути из Западной в Восточную Азию ускользает от непосредственного владычества гуннов. В лице Небесной империи явился сильный и почти непобедимый конкурент. Правда собственно китайские владения не шли далее Лоб-Нора, т.-е. восточной окраины бассейна, а завоевания делавшиеся западнее вплоть до Кашгара никогда не достигали прочных результатов, тем не менее гуннское господство здесь было уже поколеблено. За счет обоих претендентов на богатые торговые базисы развились и добились самостоятельности местные кочевые племена, одно из которых, владевшее Яркандом, к нач. I в. по Р. Хр. (около 33 г. Р. Хр.) распространило свою власть уже на всю территорию бассейна Тарима, успев отстоять ее как со стороны гуннов, так и со стороны Срединной Империи.

В правление Тань-юйя У-ян-гюй-ди государство Хун-ну окончательно распадается: несколько князей присвоят себе титул тан-юя, и поднимаются войной на своего повелителя, пока одному из них Хуханье не удастся, наконец, как будто восстановить единство, устранив всех своих соперников. Однако не надолго, т. к. и против него скоро начинается восстание, поднятое родным его братом Чичи, „Вице-королем Востока“. Изгнавши брата из его столицы, Чичи живет, однако, только одними западными интересами и, не имея сил удержать за собой власть над всеми областями, основывает на западе самостоятельное государство. Хуханье между тем возвращается из

даря, они отвечали теперь тем-же. (см. Н. А. А. ист. в. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям—Рус. Антропологический журнал 1904 г. № 1-2 стр. 11—13).